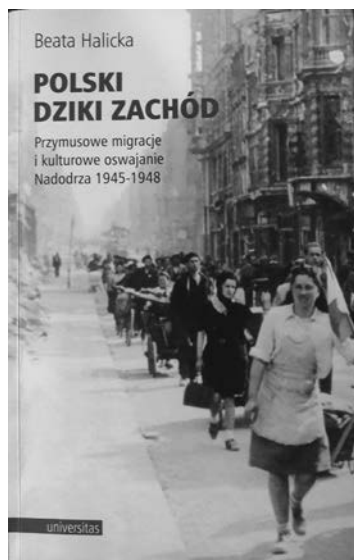

Halicka B.

Польски dziki Zachód: Przymusowe migracje i kulturowe oswajanie Nadodrza 1945-1948 / tłum. a. Łuczak. – Kraków: Universitas, 2015. – 434 s.

Галитка Б.

Польский Дикий Сахид: Примусовые миграции и культурное образование НадОдрщины 1945-1948/пер. а. Лученик. – Краков: Universitas, 2015. – 434 с.

Студия профессора Познанского университета им. А.Мицкевича, сотрудницы Польско-германского исследовательского института в Слубицах Беаты Галицкой поднимает проблему заселения и особенностей адаптации пространства так называемых «возвращенных земель» (пол. «ziemie odzyskane») – ко-

лишней территории Третьего Райха, которая была передана Польше по условиям международных Ялтинской и Потсдамской конференций в 1945 г. Сначала рецензируемое исследование было написано и опубликовано на немецком языке¹.

Историко-культурные, социологические, политические аспекты западных земель Польши после присоединения неоднократно становились предметом исследования специалистов как Германии, так и Польши. Об этом говорится в разделе «Состояние исследования» (с.15–25), а также красноречиво свидетельствует обширная библиография книги (с.393–420). Далеко не все труды были объективными и беспристрастными, поскольку авторы конца 1940-х и вплоть до 1990-х гг. испытывали постоянное политическое влияние, находились под давлением цензуры, что делало невозможным всесторонний научный анализ. В то же время важность поднятой проблематики обусловлена фактом, что «в мозаике польской культурной памяти центральное место занимает депортация польского населения вглубь Советского Союза, а также трагические судьбы поляков в результате Второй мировой войны: более пяти миллионов польских граждан потеряли жизнь в результате истребления или из-за участия в движении сопротивления против немецких или советских оккупантов» (с.20). Долгое время авторы были вынуждены проводить исследования в русле насажденного мифа о якобы гуманном выселении из Надодрщины немцев и представителей других национальностей, а также об успешном хозяйствовании новой польской и советской власти на этих землях (с.18). Такие важные вопросы, как послевоенный польский антисемитизм или принудительные переселения украинцев, замалчивались (с.18). Только в 1990-х гг. в Германии была наработана новая стратегия памяти об истории немцев в Центрально-Восточной Европе. Она имела целью заботиться о немецком культурном наследии в сотрудничестве с восточными соседями, а также предусматривался отход от конфронтационной риторики (с.19).

¹ См.: Halicka B. Polens Wilder Westen: Erzwungene Migration und die kulturelle Aneignung des Odra- und Oderlandes 1945-1948. – Paderborn, 2013. С содержанием рецензируемой книги можно ознакомиться по интернет-адресу: <http://universitas.com.pl/produkt/3458/Polski-Dzikie-Zachod-Przymusowe-migracje-i-kulturowe-oswajanie-Nadodrza-1945-1948>

Именно в таком русле выполнено рецензируемое исследование. Его можно назвать попыткой международного взгляда на проблему принудительных миграций в послевоенной Европе, подходом к пониманию этого явления как общеевропейского.

Для украинского читателя книга интересна еще и тем, что автор привлекла материал об операции «Висла» (с.351–353)². К тому же, панорамный взгляд на события в соседних государствах позволяет глубже понять исторические явления национальной истории. Кроме этого, Б.Галицкая касается болезненных тем украинско-польского конфликта перед и во время Второй мировой войны (с.155–159). Исследовательница рассматривает его в контексте тогдашнего доминирования в Европе радикальных идей о мононациональных государствах: «От 30-х годов (XX ст. –И.К.Ф.) не только в Западной Европе, но и в Польше распространились радикальные националистические и фашистские идеи, в результате чего нарастала тенденция к дискриминации, притеснению этнических меньшинств. Хотя Польша обязалась предоставить Восточной Галиции определенную автономию, обещания не были соблюдены, а велась борьба с украинским национально-освободительным движением, значительно усилившимся после окончания Первой мировой войны» (с.156).

Автор имеет целью проанализировать положение разных этнических групп на «возвращенных землях», описать трудности, которые новым поселенцам пришлось преодолеть, понять, как формировалось сообщество на территории, где почти полностью изменилось население. Следовательно, Б.Галицкая стремится выяснить, «что происходит с пространством, на котором за три года [...] изменились жители [...] что нужно было сделать, чтобы возникло новое общество» (с.58). Причем речь идет не только о материальном наследии, но и об административных структурах, школе, культуре, религии, хозяйстве и политике. Определяющим источником предлагаемого исследования стали воспоминания переселенных, оно осуществлено в пределах так называемой «истории второй ступени», когда речь идет не просто о событиях, а об истории памяти об этих событиях (с.44). Здесь важно различать лично пережитые и воспоминания об этом. Эти два понятия часто довольно непросто разделить, тем более, если воспоминания были написаны в условиях сталинского режима, они испытали ощутимую самоцензуру, а в опубликованном варианте перешли и через редакторскую правку. Речь идет о важной источниковой базе исследования – письменные воспоминания переселенцев, поступивших на специальный конкурс, инициированный Западным институтом в Познани в 1956–1957 гг. (всего 229 текстов).

В целом об анализируемых воспоминаниях Б.Галицкая отмечает, что они не представляют полноценной выборки, тем более что писали их прежде всего люди образованные, для которых характерна откровенность и толерантность, склонность к критической рефлексии над общественными стереотипами. Важно, что исследовательница работала не только с опубликованными вариантами, но и с оригиналами, которые хранились в архиве института и стали доступны только в 1990-х гг.

²Здесь автор допустила ошибку, поскольку считает лемков и бойков «другими этническими группами»: «[...] 136 тыс. человек, прежде всего украинцев (а также многочисленных украинско-польских смешанных семей), и других этнических групп, таких как лемки, бойки и т.д., которые в результате польско-украинского соглашения об обмене населением в 1944 г. не переселены принудительно в СССР, а оставлены в родных краях» (с.351).

Для рассматриваемых воспоминаний характерны критический подход к пережитому, люди пытались найти причину ошибок, по которым произошли те или иные отрицательные события в их жизни. В то же время, атмосфера того времени не позволяла критиковать экспансивную политику СССР в конце Второй мировой войны или расширение Польши на запад: «Не допускались также описания советской оккупации на крессах, процесса коллективизации, этнических конфликтов. Разрешено было лишь упоминания об украинских "партизанских бандах", которых трактовали как врагов польского населения, а также и коммунистического режима» (с.161). Запрещались уныние по утраченной родине, чувство отрешенности. Эти эмоции в написанных воспоминаниях испытали сознательную или подсознательную автоцензуру.

В целом Б.Галицкая доказывает (и это подтверждают истории рассказчиков), что советская политика хозяйствования привела к большим экономическим потерям на исследуемых территориях, чем военные действия. Воспоминания людей свидетельствуют, что они были полны надежд и оптимизма, были готовы отдаться тяжелому труду по возрождению края, поверили в то, что возвращаются на когда-то потерянные и ныне вновь приобщенные к Родине территории. Однако наиболее предприимчивых людей режим преследовал и ломал, заставлял вступить в коллективизацию или отказаться от своего дела. Целью коммунистов была ликвидация частных предприятий в области земледелия, в сфере услуг. Они централизовали общественную жизнь. Люди были в отчаянии. В конце концов 1949 г. те, кто мог работать, начали «убегать с тех территорий как можно быстрее» (с.301).

Типичным моментом мемуаров стало стремление подчеркнуть исключительность собственной судьбы, выразить свои заслуги как пионера, первопроходца, первопоселенца на так называемом польском «Диком Западе». Это тиражируемое тогдашними властными структурами название имело целью пропагандировать и поощрять переселения, навязывая аналогии с Соединенными Штатами Америки, обещая хорошие перспективы для тех, кто был готов начать все заново. В то же время, коллективная народная память, представленная, в частности, в воспоминаниях, сохранила и противоположные коннотации, связанные с этим словосочетанием. Речь идет прежде всего о том, что ситуация на приобщенных землях характеризовалась, прежде всего, правом силы. Это была территория, где после ухода немцев царили хаос и мародерство. Долгое время переселенцы находились в неопределенности,

Знакомство с воспоминаниями польских принудительных мигрантов дает основания выделить типичные места в воспоминаниях переселенцев разных народов и в результате разных причин. Таким *loci communes* в мемуарах и меморатах стала идеализация утраченного: «Потерянная родина представлена как замечательный, упорядоченный мир» (с.76). Рассказчики сознательно или бессознательно не описывали отрицательные моменты на брошенных местах. В то же время, они редко задумывались о том, какие положительные сдвиги произошли в их жизни благодаря изменению места жительства.

Особенностью многих воспоминаний стало описание общественных работ. Так, например, украинские мигранты из зоны затопления, украинцы-автохтоны, выселенные из восточных территорий Польши в результате операции «Висла», а также перемещены

на западные земли поляки хорошо помнят и охотно рассказывают о совместных работах, о взаимопомощи, коллективных достижениях в бытовой и культурной жизни.³ Труд вместе, совместно прожитое время оставляют по себе положительные эмоции, хранящиеся в памяти долгие годы.

Общность мотивов в воспоминаниях о принудительном переселении обусловлена, помимо прочего, схожими условиями хода события: «Как бывает в случаях принудительных выселений, так и здесь конкретные акции часто характеризовались радикальным ходом и имели признаки незаконного вмешательства» (с.147). Повторяющимся местом в воспоминаниях стало описание первого дня на новом месте, в первую ночь в заселенном доме, первого рабочего дня на новой работе. Люди рассказывают, какая тогда была погода, в каких условиях они работали, вспоминают, кто им помогал, а кто чем-то обидел. Воспоминания изобиловали также описаниями обид, которые понесли немцы и поляки от Красной армии, однако эти места были тщательно вычеркнуты из опубликованных вариантов. Авторы осознавали себя как членов национального сообщества в значении общего терпения (с.46).

Хорошая осведомленность с материалом воспоминаний, с историческими архивными документами, прессой того времени позволяет автору выделить табуированные места в мемуарах. Среди них – присвоение имущества немцев, живших на «возвращенных землях». Далеко не все переселенцы могли просто завладеть чужими вещами, чужими домами. Психологическим препятствием для них было осознание, что здесь жили и умирали другие люди. Преодолеть этот барьер помогла пропаганда так называемой национальной вины, – когда за поступки определенной группы людей наказанным должен быть весь народ, все его представители (с.306). То есть все немцы должны быть ответственны за преступления гитлеровцев. Интересно, что в воспоминаниях поляков-переселенцев изгнанию немцев посвящено мало внимания. В то же время, это событие ведущее в мемуарах немецких переселенцев. «Колонна беглецов на фоне зимнего пейзажа является символом бежества и изгнания в Европе XX ст. К наиболее драматическим событиям в истории немецких изгнаний относится, без сомнения, бегство замерзшим Балтийским морем в январе 1945 г.» (С.104). В конце концов, многие драматические и роковые случаи этого изгнания произошли по вине руководства нацистской партии, которое до последней минуты медлило с приказом об эвакуации.

Привлечение к источниковой базе письменных личных показаний позволяет сместить оптику ученого – в поле исследования попадают проблемы стихийных людей, ранее находившихся без внимания историков или на них останавливались лишь по случаю. Речь идет прежде всего о обыденности, повседневной жизни, бытовых невзгодах и, в тех тяжелых условиях, изнурительной борьбе за каждый прожитый день. «В воспоминаниях рабочих преобладают однако истории, полные насилия, унижения, смирения и болезней. Все зависело от того, куда они предназначены для работы» (с.84). В то же время ежедневные домашние испытания

³ Кузнец-Фучило И. Осмысление принудительного переселения из зоны затопления по Днестровскому водохранилищу (по материалам усноисторических нарративов) // Славянский мир. – Вып.13. – М., 2014. – С.215–231; Кузнец-Фучило И. Концепт дома в рассказах о принудительном переселении // Łemkowie, Bojkowie, Rusini: historia, współczesność, kultura materialna i duchowa. – Т.6. – Słupsk, 2016. – С.147–158.

часто ложились на плечи женщин. Это полностью касается послевоенного времени, когда многие семьи остались без мужской опеки. Автор отмечает, что в таких условиях «женщины часто значительно быстрее, чем мужчины, умели сориентироваться в совершенно новой ситуации» (с.314). Исследовательница описывает способы и средства, которым вынуждено было прибегать женщины, чтобы прокормить себя, детей, старых родителей (с.310–318)⁴. Мужчины без жен оставались совершенно беспомощными в уходе за детьми. Традиция целиком и полностью приписывала эту роль женщинам, поэтому правдивыми кажутся воспоминания беженцев о том, что женщина могла выжить хоть и с пятью детьми, а мужчины отдавали своих маленьких детей в приют. Учитывая ценность воспоминаний как источника, в 2016 г. Б.Галицкая подготовила отдельное издание восьми мемуаров.

«Польский Дикий Запад...» дает четкое представление об экономическом и социально-бытовом положении приобщенных земель, пропагандируемых тогдашних идеях и идеалах, настроениях, переживаниях новых жителей. Каждое упомянутое историческое событие автор пытается оценить независимо, объективно, без чрезмерных обобщений и упрощений. Так, например, исследовательница пересматривает выводы о поджогах и умышленных разрушениях зданий на этой территории. Предыдущие исследования, проведенные во времена тоталитарного режима, вину за это варварство возлагали на немцев, которые якобы стремились не оставить врагу после себя ничего. В следующих студиях авторы обвиняли в поджогах советских военных, жаждавших отомстить за свою разоренную землю, потому-то и пытались уничтожить все немецкое. На основании разных исторических источников Б.Галицкая приходит к выводу, что причин пожаров и уничтожений было больше, в том числе «сопротивление местных военных формирований, мародерство, непреднамеренные подверглись обезлюденным населенным пунктам, в конце концов пожары, которых некому было гасить, неответственность новой польской власти и др.» (с.128).

Беспристрастный анализ исторических источников, воспоминаний переселенных поляков и немцев дал автору основания пересмотреть толкование многочисленных самоубийств среди немецкого населения в 1945 г., особенно среди женщин. Немецкая пропаганда того времени не жалела мрачных красок для описания преступлений черноармейцев. Женщины чувствовали себя беззащитными. Кроме этого, они знали о советской жажде мести (с.118). Долгое время тема самоубийств была табуированной, не в последнюю очередь из-за того, что эти суициды трактовали как способ идентификации с позицией А.Гитлера: мол, лучше покончить с собой, чем попасть в руки врага. Суициды сравнивали с героической смертью воинов на поле боя. Автор подытоживает, что историк не может окончательно выяснить причины тех самоубийств. Здесь влияли разные факторы: государственная пропаганда, этические нормы, религиозные убеждения, военные действия,

⁴Кстати, о женской зарядности и мужской беспомощности в кризисных ситуациях пишет исследовательница истории беженства 1915 г. А.Примака-Онишк (см.: *Prymaka-Oniszk A. Bieżeństwo 1915: Zapomniani uchodźcy*. – Wołowiec, 2017. – S.84, 120).

⁵Мой дом nad Odrą: Pamiętniki osadników Ziemi Zachodnich po 1945 / Red. B.Halicka. – Краков, 2016. – 387 s.

Б.Галицкая неоднократно возвращается к теме тотального вывоза заводов и фабрик из возвращенных земель в СССР (с.136, 295-297). Это происходило в период «ограниченной суверенности Польского государства» (с.309), когда командиры Красной армии были высшим начальством по сравнению с не до конца сформированной польской администрацией. Проблема заключалась в том, что советы трактовали эти земли как территорию врага и считали возможным брать отсюда все ценное под видом трофеев.

В конце исследования автор анализирует реализацию мифа польского «Дикаго Запада» в художественной литературе и кинофильмах. Белетристика должна стать инструментом распространения положительной версии этого мифа. Перед писателями того времени коммунистическая власть поставила цель создать художественные тексты о пионерах-переселенцах на приобщенных территориях. Эта литература должна была выполнять образовательную функцию, обосновать новую систему власти, утверждать мнение о том, что длительный польско-германский конфликт был разрешен только благодаря вмешательству СССР. Под таким государственным цензурным и пропагандистским давлением не могло предстать высокохудожественная письменность. «Как можно было со всей силой и пылом работать над восстановлением нового места жительства, организовывать общественную жизнь, и в то же время таить в себе столь большую ностальгию по потерянному раю? Это противоречие присуще польскому обществу, которое дальше, глядя на запад, в душе ощущает глубокую связь с восходом, ностальгию по кресам и прошлому. Это противоречие, без сомнения, важна тема, достойная еще не возникшей национальной эпопеи», – заключает автор. Большой успех среди зрителей имела соответствующая кинопродукция. До настоящего времени в Польше известны и популярные фильмы «Право и кулак», трилогия «Сами свои». Несмотря на схематичность образов, раскрытие их в духе государственной пропаганды, эти ленты до сих пор транслируют на польском телевидении. Идея фильмов состоит в том, что только третье поколение переселенцев чувствовало себя на приобщенных землях как дома. Представители старшей генерации до конца своих дней находились в плену старых стереотипов и не могли измениться, приспособиться к новым условиям жизни на территории, которые так и не стали их новой Родиной. По жанру кинотрилогия «Сами свои» – комедия. «В то же время ее популярность, а также отсутствие других фильмов, посвященных этой теме, повлекли за собой ситуацию, что большинство поляков имеют очень упрощенное, можно даже сказать тривиальное понятие о принудительных миграциях, а также начала жизни на польском западе» (с.381), – заключает автор состояние общественной осведомленности с нарушенной в ее исследовании проблемой.

Отмечу, что Галицкая справилась с заявленной во вступлении в книгу целью. На обширном документальном материале, используя архивные материалы (мемуары переселенцев на западные земли Польши), а также многочисленные исследования предшественников, автор показала сложность и неоднозначность процесса заселения «возвращенных земель». В то же время, в исследовании не выяснено, отличаются ли жители Надодрзины от других граждан Польши, в чем эта разница, повлияло ли знакомство с немецкой культурой и бытом на мировоззрение и социальные практики жителей края. Эти вопросы для читателя остались открытыми.

Ирина Коваль-Фучило (Киев)